

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Орган Правления

Союза Советских Писателей СССР

№ 33 (947)

Среда, 20 августа 1941 г.

Цена 45 коп.

Место литератора в отечественной войне

Фронт в тыл неотделим друг от друга. Ни в одну еще отечественную войну...

Не только в Москве и Ленинграде, но и во множестве других городов на улицах и площадях выставлены щиты с сатирическими стихотворными фельетонами.

Советский Союз переживает грозные и напряженные дни. Вероятно напал на нашу родину, германские фашисты уже с первых дней хозяйничали в оккупированных ими районах широко развернули свою «спражку».

Однако масштабы этой пропагандистской работы должны быть значительно расширены, и в нее должно включиться как можно больше писателей.

Что я сделал сегодня для родины, чем я могу быть еще ей полезен? — Этот вопрос должен задавать себе ежедневно, ежеминутно советский человек.

Большой материал дают писатели тысячи фактов личного и коллективного героизма бойцов Красной Армии и Флота. Писатель должен художественно обобщить эти факты так, чтобы большие массы читателей были впечатлены всей страной, чтобы в каждом примере героизма был вскрыт и показан средствами искусства национальный характер советских людей.

Огромная масса писателей отвечает делом на призыв родины. Многие из них уже в первые дни войны отправлялись на фронт. Они — с оружием в руках защищая родину, другие — поставив на службу обороны перо художника.

Многие литераторы по разным причинам оказались оторванными от центральных издательств и газет и до сих пор не нашли себе применения.

Писатели в содружестве с художниками возродили прекрасную традицию, основанную еще Маяковским, — окна ТАСС.

Писатели — в фонд обороны

С участвовавшей активностью принимают участие советские писатели в создании мощного фонда обороны страны.

Мы живем в сложное и напряженное время. Сейчас, больше чем когда-либо, ропеется вопрос — быть или не быть народам СССР свободными. Это вопрос жизни веков Советского Союза и каждого гражданина в отдельности.

Писатели Таджикистана горячо приветствуют создание фонда обороны СССР. На митинге, посвященном созданию фонда, секретарь ССП Таджикистана г. М. Миршадаров сказал:

Вам пишу в фонд обороны 500 рублей деньгами и 1.000 рублей облигациями.

Учавшее государственное издательство выпускает на-днях сборник рассказов «Красным знаменем». Авторы ведущих в сборник произведений А. Эхель, А. Агапов, Ф. Уар, В. Худоев и др. все участники в фонд обороны.

ОТ СОВЕТСКОГО ИНФОРМБЮРО

УТРЕННЕЕ СООБЩЕНИЕ 19 АВГУСТА

В течение ночи на 19 августа наши войска продолжали вести бой с противником на всем фронте.

Истребители танков подразделения сего лейтенанта (Винова за первую атаку августа вывели из строя 22 немецких танка. Большие успехи уничтожил вражеских машин ефрейтор Кузин. Он пожег 4 средних и один тяжелый танк.

Бойцы подразделения капитана Ковряжко успешно борются против вражеских танков. В одном бою подразделения капитана Ковряжко вывели из строя 16 фашистских танков. Сам капитан Ковряжко пожег за этот день четыре танка, малазий лейтенант Гусевский — два танка.

На одном из участков Северного фронта усиленный батальон белорусов в составе более 1.000 солдат углубился в нашу территорию. Отряд под командованием майора Немцова было призвано разгромить вражеский батальон.

Группа немецких мотоциклистов оказалась на почве в центральной усадьбе совхоза «Вторая пятилетка». Ночью партизанский отряд под командованием тов. А. Немозина окружил усадьбу.

Кровавый фашистский террор свирепствует в украинских районах, захваченных немцами. Возбавшись в небольшой районный центр Житомирской области — Володарк-Вольск, фашисты начали хватать и арестовывать всякого, кто так или иначе участвовал в общественной жизни — активистов общественных организаций, стахановцев и всех, кто своим видом не порицал немецкому офицеру.

Огромные потери, которые несут фашистские части на Восточном фронте, германское командование безуспешно пытается возместить натеск подготовленным пополнением. Состояние этих новых частей германской армии явно ухудшается.

Фашистские газеты, издающиеся на территории Польши, встретят траурными объявлениями о «несчастных случаях», происшедших с офицерами или солдатами штурмовых отрядов.

Лера армия брошена в новую авантюру, которая ничто, кроме поражения, не сулит.

НА ОЧЕРЕДНОЙ ПРЕСС-КОНФЕРЕНЦИИ ИНОСТРАННЫХ КОРРЕСПОНДЕНТОВ

На состоявшейся 19-го августа очередной пресс-конференции иностранных корреспондентов заместитель начальника Советского Информбюро тов. Лозовский С. А. остановился на политико-моральном состоянии офицерского корпуса германской армии.

Офицерство Германии было всегда замкнутой реакционной кастой. До первой мировой войны доступ в офицерский корпус имели только лишь дворяне. Во время первой мировой войны, в связи с огромными потерями офицерского состава, офицерский корпус начал пополняться также представителями буржуазии и интеллигенции.

После разгрома Германии в первую войну и распада германской армии без работы остались десятки тысяч офицеров, которые не знали иного другого, кроме военных уставов и подтягивания низких знаний. Из этих офицеров круто вербовались инструкторы для многих армий и кадры для тайных террористических организаций, которые в период Веймарской республики убивали из-за угла прогрессивных государственных деятелей и революционных рабочих.

В течение 19 августа наши войска вели бой с противником на всем фронте, особенно упорные на Кингисепском, Новгородском, Гомельском и Олеском направлениях.

По уточненным данным за 17 августа в воздушных боях сбито 22 немецких самолета, как указывалось ранее, а 28 самолетов.

С 17 на 18 августа наши самолеты бомбили Палешти, летчики наблюдали большие пожары и взрывы.

Большой отряд немцев наступал на одну из наших рот. В бою выдвинулся командир роты. Подполковник Хольцев принял на себя командование и повел красноармейцев в контратаку.

Отважно действует в зенитной части группа разведчиков под командой младшего лейтенанта Зиминского. На-днях разведчики выследили и уничтожили группу немецких автоматчиков, захватив при этом 3 мотоцикла и 7 автомашин.

Сильные удары наносит врагу партизанские отряды, действующие в захваченных немецко-фашистскими войсками районах Винницкой области. Отряд под командованием механика МТС тов. Т. Сорокина несколько налетов на солдат немецкой роты связи, пытавшихся восстановить телеграфную и телефонную линию между Винницей и Бердичевом.

Партизаны остановили колонну немецких автомашин с горючим. Перебив охрану и шоферов, бойцы отряда подожгли цистерны. В огне сгорело 18 автомашин.

Отряд красноармейцев под командованием капитана Т. Савицкого обнаружил расположившийся в деревне Н. вражеский штаб. Дожидаясь ночи, отряд внезапно напал на штаб и уничтожил 50 вражеских автомашин и несколько десятков солдат и офицеров.

Успешно продолжается партизанская борьба на греческом острове Крит, захваченном немецко-итальянскими войсками. Капитаны греческих партизан, доставляющие оружие партизанам, используют многочисленные мелководные порты южного берега Крита, к которому не могут подойти немецкие и итальянские военные корабли.

Заканчивая уборку урожая и выполняя обязательства перед государством, многие колхозы приступили к севу озимых. В Калининском районе, Фрунзенской области, уже засеяно 1.200 гектаров озимых. Начался озимый сев в Венесуэле, Венгелинском и других районах Ростовской области. Венесуэlsкие колхозы, сев в этом году урожай озимой пшеницы в 200 пудов с гектара, увеличивают озимый клин.

Вместе с ростом затруднений и огромными потерями в офицерском корпусе вновь возросла старая традиционная ненависть против национал-социализма. К этому прибавилось еще и то, что среди известной части офицерства война с Советским Союзом очень непопулярна.

В этом смысле чрезвычайно характерным документом является открытое письмо к немцам офицерам, написанное пятью пленными немецкими офицерами — полковником Гаушницем, капитанами Гитлер, Лозовским и фон-Веншовским и старшим лейтенантом Рисс. Это письмо показывает всему миру, о чем думает та часть германского офицерства, которая не согласна с Гитлером и его фашистской политикой.

В соответствии с Советско-Польским Соглашением от 30 июля с. г. между Верховным Главным Командованием СССР и Верховным Командованием Польши 14 августа с. г. заключено в Москве военное соглашение, подписанное со стороны СССР уполномоченным Верховного Командования СССР генерал-майором А. Василевским, со стороны Польши — уполномоченным Верховного Командования Польши — генерал-майором С. Богус-Шмиго.

Вопрос корреспондента «Интерком-тинент Нюс» г-жи Жаннет Вивер, как вы оцениваете интервью генерала Араки, данное им представителю газеты «Букми», в котором он, вспоминая об оккупации Сибири японцами в 1918 году, заявил, что подобное положение могло бы иметь место и сейчас и что он сожалел, что не удалось тогда нанести смертельный удар и что все предприятие было оставлено на полпути.

Генерал Араки никогда не страдал излишней скромностью и поэтому он всегда принимал свои скудные и опасные для Японии мысли за последнее слово государственной мудрости. Исторические воспоминания генерала Араки, может быть, делают честь его памяти, но не делают чести его пониманию международной обстановки вообще и взаимоотношений между Японией и СССР, сложившихся в последний период на основе пакта о нейтралитете от 13 апреля 1941 года.

ВОЕННОЕ СОГЛАШЕНИЕ МЕЖДУ ВЕРХОВНЫМ ГЛАВНЫМ КОМАНДОВАНИЕМ СССР И ВЕРХОВНЫМ КОМАНДОВАНИЕМ ПОЛЬШИ.

ПОЛЬСКАЯ ЛИТЕРАТУРА В БОРЬБЕ С ГИТЛЕРИЗМОМ

Юрий ПУТРАМЕНТ

По мере того, как дорвались до власти Гитлер все более и более обнажал свои звериний лик, польские прогрессивные писатели и поэты, научные деятели и работники искусства, вся польская интеллигенция поднималась на борьбу с фашизмом, этим наиболее отвратительным и опасным движением, которое когда-либо, со времен Аттилы, угрожало культуре.

Польско-германская граница протянулась на протяжении полутора тысяч километров, и бесчисленные гитлеровские молодчики явно и открыто доносились до Польши. Убийства левых германских писателей, избиения «нейтральных» представителей интеллигенции, варварское сожжение тысяч книг, идиотские попытки создать «арийскую» физику и математику, именные крупнейшие германские ученые и писатели — все эти безудержные попытки вернуть Германию в бездну «истинно арийской», средневековой дикости и тьмы вывели из поляков все более сильный протест. Характерно, что наряду с представителями левой интеллигенции в активную борьбу против гитлеризма включились и все демократические польские писатели, и многочисленные в Польше представители «чистого» искусства, а также большинство писателей, принадлежащих к правым политическим партиям.

Антигитлеровские настроения охватили подавляющее большинство польской интеллигенции. Только единичные прогнившие политические группы или беспринципные молодчики из реакционной, фашистской студенческой молодежи, пытались восставать те или иные стороны гитлеризма, главным образом его оторванные антисемитизм, но и они не смели открыто признаваться в своей приверженности к гитлеризму.

Борьбу писателей-антифашистов возглавлял известный переводчик Пушкина, выдающийся польский поэт Юлиан Тувим. Его многогранный поэтический талант

позволил ему создать ряд выдающихся произведений — от страстных боевых стихов до острых сатиры и эпиграмм, едко высмеивающих тугое, звериное лицо фашизма. Одна из лучших польских писательниц Мария Домбровская в многочисленных статьях выступала с горячим протестом против нацистского варварства. Видные польские прозаики Богущевская и Корнякский целый том («Deutschens Heim») романтического цикла «Полонез», посвятившего немецко-фашистскому угрозе, написанной над Польшей. В этом цикле наиболее полно отражены последние годы существования Польши перед второй империалистической войной и процесс фашистской «пятной колонизации», старшейся изнутри разложить польскую правящую верхушку и заранее подготовившей поражение Польского государства.

Страстную литературную борьбу с гитлеровской угрозой ввязе и внутри страны вели, не покладая рук, польские левые писатели во главе с Вандой Василевской. Даже такие «аполитичные» писатели, как видная поэтесса Мария Павличковская, в своих произведениях решительно выступали против фашистского варварства.

Целый ряд журналов систематически вел антифашистскую пропаганду, мобилируя польский народ на борьбу с этой величайшей угрозой современному человечеству.

Особую роль в этой борьбе играла сатира. Сатирический журнал «Шпильки» главной мишенью для своих стрел избрал гитлеризм и его вождя. Эпиграмм и стихи Марьяна Гемара, Минкевича,

Карпинского, Лепя, карикатуры Парепко, Зарубы, Семашки и других — все это представляло превосходное оружие антифашистской пропаганды.

Война и захват Польши Германией изменили формы борьбы, но не прекратили ее. Навстречу еще более усилению и обострению сопротивления польской интеллигенции фашизму, гитлеровские бандиты поставили перед собой цель — уничтожение польской культуры. За два года хозяйничанья немцев в Польше не вышло ни одного польского литературного произведения. Масса польских книг сожжена, большинство библиотек закрыты и разграблено. Ни одного литературного журнала, ни одной польской газеты, кроме гитлеровских официальных, ни одного театра, кроме жалких кафе-штановых сплундиорографических репертуаров, — вот положение, в которое ввергнута польская культура.

Все это могло лишь усилить ненависть к захватчикам. Часть писателей эмигрировала за границу. Они принимали активное участие в борьбе всего передового человечества с фашизмом. Те писатели, которые остались в Польше, продолжают бороться в подполье. Время от времени до нас доходят боевые стихи того или другого поэта, распространяемые в варшавских нелегальных журналах и газетах.

Польские писатели, оказавшиеся в Советском Союзе, Ванда Василевская, Шемлинская, Пастернак и другие с первого дня великой отечественной войны вписали в героические ряды советского народа, героически борющегося с фашизмом за свободу всех угнетенных народов, за культуру, за будущее человечества. Современная польская литература осталась верной боевым традициям великой поэзии Минкевича и Словацкого и прекрасно долужу польских революционеро-демократов, долужу борьбы «за нашу и вашу свободу».

В БОЯХ ЗА РОДИНУ!

А. ДЫМШИЦ

Александр Бешлей

Д.М. СТОНОВ

ДРУЗЬЯ

(От нашего специального корреспондента)

Мы довольно много знаем о наших боестратических потребностях, помним их имена, слушаем рассказы об их смелых поступках. Но мы ничего почти не знаем о воентехниках, которые обеспечивают победу истребителей, отвечают за исправность истребков.

Лейтенант Вербалянов отрывается от земли, летит сражаться с фашистскими бомбардировщиками. Воентехник I ранга Александр Коган остается на аэродроме. Приказ — подняться в воздух — т. Вербалянов получил 30 секунд назад. «Есть — подняться в воздух!» — отвечает летчик.

он наладит связь командира подразделения со старшим начальником и установит связь с младшим лейтенантом, командиром соседнего подразделения.

Между тем белофинны вновь сгрудились, уложили своих убитых и раненых и начали новое наступление. И опять же путь встал отважный связист Бешлей, быстро вышедший из-за укрытия. Сквозь метко разара, открыл он ружейный огонь. И снова брошенные им гранаты заставили разбежаться пятавую банду белофиннов.

Не отступая, не прекращая ни на секунду боевой обороны, мужественный Бешлей один защищал свой участок и заграждал дорогу к сердцу своего подразделения. Он бился с врагами до тех пор, пока на помощь ему не пришел отряд товарищей. Его подразделение, поддержанное соседним, которому Бешлей успел сигнализировать об опасности, перешло от обороны к нападению.

Белофинны бежали. Преследуя и громя врагов, наши бойцы отбросили их за границу...

...Подвиг телефониста Бешлей вызвал всеобщее восхищение его товарищей. Командование подразделения специальным приказом отметило храбрость и героическое действие Александра Бешлей, объявило ему благодарность. В письме отряженному в сибирскую сельскохозяйственную артель «Ударики», из которой пришел в армию Бешлей, командир подразделения, обращаясь к колхозникам, выражал им благодарность за воспитание верного сына нашей Родины.

Выходя из колхозной деревни Бешлей многому научилась Красная Армия. Это она дала ему военно-техническую специальность, сделав его отличным связистом. Это она воспитала его политически, усилила его природные качества: настойчивость в деле достижения цели и твердость характера. Это она подготовила его к боям.

И скромный советский человек, рядовой пролетарского строя Александр Бешлей, проявивший высокий героизм, показал пример мужества и отваги, достойный настоящего солдата революции.

(«Знамя победы»)

Воентехник I ранга А. Л. Коган. (Фото В. Федосова)

«Есть», — вслед за ним повторил воентехник Александр Когану неизвестно, когда его друг начнет преследовать неприятеля — боевая приказ Вербалянов получить каждую минуту, в любой час дня и ночи. Вот почему т. Коган всегда работает оперативно, не считаясь со временем, готов немедленно, молниеносно ликвидировать любую неисправность.

В воздухе десятки и десятки истребителей. Они похожи друг на друга: одна форма, расцветка, одинаковый гул. Расставив ноги, запрокинув голову, воентехник Коган стоит на аэродроме. Из острейшей машины он по неуловимым мелочам, по оттенку «голоса» узнает свое, из множества летчиков он — по повадке, по стилю отмечает Вербалянова.

— Мой дружок возвращается, — заговорил Александр Львович Коган, когда в небе едва видны точечки истребителей.

Проходит минута, две, три. Истребители заметно увеличиваются. Теперь можно не следить за ними. Товарищ Коган опускает голову. Слух его настроен. Еще мгновение — и он бросается в сторону. Подскокивая на тугих толстых колесах, истребитель останавливается. Рядом с ним — Александр Коган.

Традиции Гуса и Жижки

Проф. Зденек НЕЕДЛЫ

Отличительная черта чешской литературы — ее глубокая народность. Это явление не случайное. Географическое положение Чехии на протяжении веков заставляло чехов бороться с угрозой германского захвата. Чешскому народу приходилось напрягать все свои силы для этой борьбы. И этой же цели всегда служила литература чешского народа. Именно ее социологические тенденции тесно связывали ее с судьбой народа.

Не случайно первое большое литературное произведение на чешском языке — написанная в стихах хроника чешского рыцаря Далимила — полно пафоса освободительной борьбы.

В книге Далимила выражена неумеряемая ненависть чешского народа к его искомому врагу — германским интервентам. Той же священной ненависти полны и произведения Яна Гуса, включившего не только национально-героический чешский дух, но и сознательное литературное чешское языка. Ян Гус страстно выступает против немецких угнетателей, стремившихся захватить в свои руки и полностью поработить Чехию, насильно насаждая чешскую культуру и литературу.

Так в борьбе с немцами самым возмущает движение гуситов, самое слабое и мощное проявление чешского народного духа за много веков. Гуситская традиция стала основой для всей чешской истории, чешской культуры, даже чешского характера. Этой же традицией полна чешская литература всех веков. И в новое время Гус и Жижка были не только объектами исторического исследования, но и главными героями чешской национальной литературы. Создано бесчисленное количество поэм, романов и песен о Яне Гусе, о Яне Жижке и вообще о гуситах.

Ведущая борьба гуситов против феодального и национального гнета Германии закончилась в начале XVII века победой католических Габсбургов. Начинается самый печальный период чешской истории, а соответственно и литературы. Незути уничтожили чешские книги как «еретические». Незути Кониж дал публично похвалялся тем, что собственноручно сжег больше 60 тысяч чешских книг. Вместо этого покорители дали чешскому народу, грамотному уже со времен гуситского демократического, народного переворота, не-

В конце XIX века в чешской литературе, как и в литературе других европейских стран, происходит резкое усиление индивидуалистических тенденций, как результат развития и удушения капитализма. На чешскую литературу в то время сильно повлияла французская литература. Но особенно сильным было влияние русской литературы. Многие произведения русских писателей были уже тогда переведены на чешский язык. Русское влияние лишь усилило, повсюду художественные качества чешской литературы. Наибольшим доказательством того, что чешская литература осталась национальной и народной, может служить «Швейк» Ярослава Гашека, получивший всемирное признание. Это — глубоко чешская книга, изображающая чешскую национально-освободительную борьбу с такой же силой, но только иным способом.

Теперь о современности. Здесь можно было бы назвать немало славных имен: поетов — Неймана, Гора и Незвала, прозаиков — Чапека, Ольбрахта, Ванчура и многих других. Их искусство не умолкло и теперь под игом фашизма. И теперь распространяются их стихи и проза на чешской родине. Правда, содержание часто приходится вуаляровать, но их симпатия понятна всякому чешскому читателю. И теперь в чешской литературе звучит голос гуситской традиции — твердость, вера в нерушимые силы народа и в его окончательную победу.

Так было до 22 июня 1941 г. Но после этого дня, и особенно после 18 июля 1941 года, когда было заключено соглашение между СССР и Чехословакией, этот голос звучит во сто крат сильнее. И там, в самом центре страны, чешские писатели присоединяются к долужу СССР: «Наше дело правое, победа будет за нами». И если чешские писатели в течение тысячелетия боролись с немецким агрессором, то они не отступят и теперь, они тесно сомкнутся с тем, кто воет за старым идеал гуситов и за сегодняшний — идеал современных чехов — за свободу!

Великая борьба гуситов против феодального и национального гнета Германии закончилась в начале XVII века победой католических Габсбургов. Начинается самый печальный период чешской истории, а соответственно и литературы. Незути уничтожили чешские книги как «еретические». Незути Кониж дал публично похвалялся тем, что собственноручно сжег больше 60 тысяч чешских книг. Вместо этого покорители дали чешскому народу, грамотному уже со времен гуситского демократического, народного переворота, не-

В XIX веке, уже после так называемого национального возрождения, история попрережнему питала чешскую литературу. Широко распространение получили исторический роман, поэма, драма. Так возникает классический чешский исторический роман Алоиса Пракса, одного из самых крупных мастеров этой литературной формы, получившего признание и далеко за пределами Чехии. Пракс с замечательным мастерством восстановил в своих романах почти всю чешскую историю, возродил старинную народную сказку, показал возникновение, славу и поражение движения гуситов, эпоху самого ужасного удуха и, наконец, — возрождение.

XIX век выдал и жгучий и другой поэзию. Первым проявил себя в этой области Ян Коллар, могучий певец славянских дружбы. Сборник советов Коллара «Дочь Славии» вызвала большой интерес и у других славянских народов (между прочим, большим поклонником Коллара был Тарас Шевченко). После него выступил молодой поэт-романтик Маха, современник Пушкина. Его по праву считают основоположником новой современной чешской поэзии.

Особенным расцветом чешской литературы отмечена вторая половина XIX века, давшая много талантливых поетов, писателей и драматургов. Наиболее выдающиеся среди них в первом поколении — Ян Неруда и Витеслав Галеж, во втором — Ярослав Врхлицкий и Сватоплук Чех. В 1868 г. открывается Национальный театр в Праге, ставший с того времени центром всего чешского искусства и литературы.

людских жизней, расползшихся по самым разнообразным ступеням лестницы.

Русская писатель, действительно заслуживший этого высокого звания, никогда не рабоблаговал перед титулом человека, его состояние или происхождением. Истинная гуманность выражается в любви, в сочувствии к «обыкновенному», к «среднему» человеку, но «обыкновенные» люди и составляют народ. И русская и американская литература доброжелательно и заинтересованно сосредоточивают свое главное внимание на жизни демократического человека. Вот отсюда и проистекает наша симпатия к американской литературе, превосходно развившейся в такой короткой исторической срок.

Улучшить условия существования человека — вот цель, осязающая всякую деятельность. Это главная идея и американской и русской литературы, выраженная в самой общей форме. Но, в самом сердце Европы сложилась безудачная, организованная и вооруженная банда, подкинувшая себе насилием и террором целый народ. Гитлер считает, что уделом людей должны быть скотские условия существования. Фашизм несет презрение и ненависть к человеку. Истребление людей и рабство для успешных — вот чего он добивается. Американская литература, выросшая, как и русская, на любви к человеку, не могла остаться равнодушной. Она подняла свой гневный голос против фашистских летунонцев и насильников.

У американских и русских писателей есть родственные между собой традиции. Идеи, воодушевляющие их творчество, создают между ними узы симпатии и солидарности. И задачи, встающие перед ними в час опасности для свободы и культуры народов, одни и те же. Их слово должно убеждать людей, что гуманность и решительность в борьбе, что демократия и быстрота действия, что любовь к людям и беспощадность к врагам человеческого рода, что братство народов и согласованная целесообразность усилий приведут вас верным путем к победе.

В. КИРПОТИН

НАШИ СИМПАТИИ К ЛИТЕРАТУРЕ АМЕРИКИ

К началу нашего столетия внимание мыслящих и образованных людей в России стало все более и более часто останавливаться на художественной литературе Америки. Уже не отдельные блестящие имена, как Лонгфелло, Эдгар По, Марк Твен, стали находить себе читателей и дочитателей, — нет, весь поток американской литературы вошел в наше сознание, как мировой культурный фактор огромной важности.

В годы, предшествовавшие войне 1914—18 гг., в России прочно утвердился слух Джека Лондона. Он стал у нас одним из самых популярных, самых читаемых писателей. В то время имела широкое распространение — и у нас и во всем мире — декадентская литература. Она оказывала растевающие воздействие на умы. Она проповедывала распад, угнетение, подавляла волю к жизни и к творчеству, сеяла пренебрежение к реальной действительности, прославляла смерть. Максимум Горький в России, Роман Роллан во Франции социализм произведения, образовавшие могучую плотину против этого мутного потока. В нашем сознании книги Джека Лондона не только не вытеснены, но и усилились. Мы преисполнены радостью, как будто бы в них нашли бы новую жизнь, новую культуру, новую страстную жажду справедливости. Воля к жизни в сочетании с любовью к людям, напряженность страстей и действий в со-

единении со стремлением к справедливости позволили нам легко отбить попытки истолковать творчество Лондона в духе ницшеанской «белокурой бестии», этого идеологического образа современных людоедов-фашистов.

После Лондона мы кинулись читать американские книги. Мы открыли Уота Уитмена. Мы узнали целые созвездия, настоящий млечный путь новых американских писателей. Прозаики и поэты, Сянклер, Драйзер, Стейнбек, Райт, Шервуд Андерсон, Колдуэлл, многие, многие другие стали друзьями наших пытливых размышлений о мире и о его судьбах, стали друзьями наших досугов и наших работных часов. При помощи писателей Америки мы научились понимать дух американского народа. Американский народ содал литературу, необыкновенно привлекательную по разнообразию форм, по богатству содержания, по строю своих идей. Мы нашли в ней много черт, роднящих ее с русской литературой.

Речь идет здесь, конечно, не о литературных взаимоотношениях и не о литературных влияниях в узком смысле слова. Существуют вещи, неизмеримо более важные, чем профессиональные литературные связи. Не в манере и стилистике, а в огромном общественном диалоге американской литературы, мы увидели черты, родственные русской литературе. В американских книгах, с которыми ознакомились русский читатель, звучит сердечная забота о благополучии не отдельного избранного человека, а больших масс людей. Стремление к справедливости было воспринято нами, воспитанными на русской классике, как нечто близкое, родное, свое. Русскому читателю так и не приходилось культивировать изолированного существования человека, эгоистически замкнувшегося в четырех стенах своей комнаты. Широкий мир — вот что интересует русского читателя. В американской художественной литературе он нашел отражение этого мощного приоб-

людских жизней, расползшихся по самым разнообразным ступеням лестницы.

Улучшить условия существования человека — вот цель, осязающая всякую деятельность. Это главная идея и американской и русской литературы, выраженная в самой общей форме. Но, в самом сердце Европы сложилась безудачная, организованная и вооруженная банда, подкинувшая себе насилием и террором целый народ. Гитлер считает, что уделом людей должны быть скотские условия существования. Фашизм несет презрение и ненависть к человеку. Истребление людей и рабство для успешных — вот чего он добивается. Американская литература, выросшая, как и русская, на любви к человеку, не могла остаться равнодушной. Она подняла свой гневный голос против фашистских летунонцев и насильников.

У американских и русских писателей есть родственные между собой традиции. Идеи, воодушевляющие их творчество, создают между ними узы симпатии и солидарности. И задачи, встающие перед ними в час опасности для свободы и культуры народов, одни и те же. Их слово должно убеждать людей, что гуманность и решительность в борьбе, что демократия и быстрота действия, что любовь к людям и беспощадность к врагам человеческого рода, что братство народов и согласованная целесообразность усилий приведут вас верным путем к победе.

А. СУРКОВ

КАПИТАН ЧИРСКОВ И ЕГО ТОВАРИЩИ

Юлий ВАНАГС

Мы его подыали в десятом часу утра. Осторожно, чтобы не разбудить спящих товарищей, он вышел из палатки.

— Отдыхает. Все ночь в воздухе были, только на рассвете вернулись из операции.

Свернул глаза, в дуликах смешанных морщинок коротко стриженные волосы, частый веселый говорок. Капитан Борис Федорович Чирсков с гордостью говорит о годах своего эскадрильи, о делах, которые эти люди совершают каждую ночь.

— Народ у нас дружный, сетапный. Друг другу верят, знают, — в трудную минуту товарищ не подведет. Так в мирное время было, так и сейчас, на войне... Работают не за страх, а за совесть.

Ну, вот, к примеру, лейтенант Тишин. Летает, как часы. На любую цель, с любым заданием. И цель найдет всегда, и в пути не полудает, и вернется точнее точного. Однажды после трудного полета а занулился об отдыхе. Обиделся смертельно. И в бортехнике у него, наш секретарь парторганизации тов. Дерягина, на тот же мапер. В каждом вылете около моторов волчком кружится и на земле ни за что не остается.

Корабль у Тишина не лучше, а похуже, чем у других, — старичок. А в хороших руках пилает себе и пилает. Как-то по специальному заданию в самый глубокий тупик врага зашел — груз свой в самую точку сбросил.

Или вспомните летчика Родинова. Ходил за большим грузом в Б. Ночь, гроза. Ни зги не видеть. Надо садиться, а посадочных знаков и признаков нет. Крутились, крутились. Догадливый осознал: истребитель фары «Никала» зажел. По такому «знаку» Родинов послал свой корабль аккуратно и груз воевкам, дерущимся с фашистскими танками, доставил.

Наш брат-ночник должен быть готов на любую площадку, при любом освещении сесть. Однажды совсем молодой летчик Меланиченко в темноте крошечной по короткой вспышке бортового фонарика соседнего самолета посадил свой грузный корабль.

Люди на войне быстро растут. К нам младшего лейтенанта Щербатова прямо

оу школьной скамьи прислала. Ночью ни разу не летал. Месяц всего прошел. Сейчас он водит самолет по курсу, как по ниточке.

Охота бить фашистов у всех людей большая. Бортехник наш бомбометаник заниматься по штату не позволяет. Так нет же! Если в вылет бомбовую миссию, «стор», борт, ставается навихать куда угодно можно. Я своему бортехнику говорю: «Что вы, Лытвиненко, нельзя столько груза брать, совесть иметь надо. Самолет не баржа». А он укралкой и под чехом и во все шели бомб насыет. Как вышел на поле и штурман начел бомбометание, он тут как тут — слышет на головы фашистам.

Опасны ли ночные полеты? Еще как! Наскопишь на колонну или над аэродромом бомбы сбрасываешь. Немцы тебя сейчас в прожекторах и из зениток начут причесывать, — только успевай поворачиваться. Бомб берем много. Бросить их надо с толком. Вот, к примеру, летали мы бомбить один аэродром. Как запалили прожектора за удралия транспортами, ферверкер получился хлеще, чем в Московском парке культуры на карнавале. Только любознательным некогда было, в правой половине снаряд разорвался, думали, всей машины сапуд. Гобру ирешетили так, что слышно, где прожекторные лучи, как белые нитки, проткнулись. Ну, мы видим — мотор работает. Начали извиз из пулемета дрозда давать, видим, и прожектора погасли, и зенитчики умолкли. Бомбовый груз сбросили спокойно, как на полигоне.

Мы идем к кораблю капитана Чирскова. Огромная стальная птица отдыхает перед очередным полетом. Тщательно отгромярованы места пробытия.

В аккуратно прибранной рубке радиостанции на стене тщательно выписан долуж:

ЧИСТОТА И ОПРЯТНОСТЬ. БЕЗОПАСНОСТЬ И ПОСТОЯННАЯ ГОТОВНОСТЬ КОРАБЛЯ — ВОТ НАШ СТИЛЬ.

Да, это и есть стиль боевой работы наших бомбардировщиков — полковника Филиппова.

(«Красноармейская правда»)

Делать это и есть стиль боевой работы наших бомбардировщиков — полковника Филиппова.

Полк товарища Улле

Полк товарища Улле образовался из добровольных отрядов, слышавших в более крупные соединения в городе В. И в летних партизан. 30 июля отряд Улле объединился с другим партизанским отрядом, образованным в августе этого года. Улле, комиссар полка — т. Циелавс.

Вот, кратко, история рождения этого героического полка красных латышских бойцов.

После первых же успешных боев с наступающими фашистами полк получил обмундирование и артиллерию. Так постепенно из самоотверженных патриотов Советской Латвии, ее рабочих, крестьян и трудовой интеллигенции, сложилось мощное, беззаветно-храброе и хорошо вооруженное боевое соединение.

30 июля командир полка т. Улле получил боевой приказ захватить продвигавшиеся авангардные части немецкой мотомеханизированной дивизии, пробившихся вперед ишедших вдоль озера П. в северовосточном направлении, тем самым создавая угрозу опасного обходного маневра.

После короткого совещания т. Улле наметил план боевых действий. Он разработал его спокойно, методически, как в свое время читал лекции в академии. Профессор и ректор сельскохозяйственной академии, т. Улле в годы революции был командиром доблестных красных латышских стрелков. Теперь он имел полную возможность применить на деле свой прежнее боевой опыт.

Врага необходимо было поразить внезапным и совершенно неожиданным для него ударом. Командир Улле разбил полк на отдельные небольшие отряды и вел их метно сразу с нескольких сторон окру-

жил авангард наступающих колонн. По данному сигналу хорошо замаскированные пулеметы открыли огонь по врагупу, снами и с тыла. Справа раскинулась огромная площадь озера П. зеркала его вод ярко сверкала на солнце.

Из трех фашистских легковых машин выринулось несколько офицеров. Их взяли в плен. Кто-то из фашистов бросился в озеро, чтобы спастись выпльвать... Это был штаб фашистской колонны.

Потеря командного состава внесла растерянность в ряды противника, и воля нападущих отключилась назад.

Комиссар полка т. Циелавс, возглавляя развернутый в боевом порядке батальон, преследовал отступающего врага.

Быстро перечисляю военные трофеи: 3 легковые машины, 50 бронированных автомашин, 12 танков, около 50 мотоциклов, свыше 100 велосипедов и радиоаппаратура.

Так же быстро выяснили, сколько в полку своих шоферов, мотоциклистов и велосипедистов, и вскоре большая часть захваченных в бою машин повернула обратно и поехала на противника. Но теперь машины, управляемые красными латышскими бойцами, составляли ядро развернутого к бою полка, по обеим же сторонам дороги двигались цепи пехоты.

В глубоком тылу у врага — в штабе немецкой дивизии — царило большое возмущение. Иская причины поражения лучших ударных частей. Над участком боя стали кружить немецкие истребители. Несколько раз фашистские ствратники переходили на брежной полет и подвизали землю пулеметным дождем.

Тов. Улле погиб смертью героя.

Командиром полком принял т. Циелавс, и наступление продолжалось с еще большим упорством.

Так борется героический, доблестный полк т. Улле, с нескольких сторон окру-

СТРАТЕГИЯ МИРОВОГО ДВУРУШНИЧЕСТВА

Всю свою внешнюю политику с первого дня прихода к власти Гитлер строил на систематическом, но имеющем себе равного в истории, сознательном двурушничестве и вероломстве. Превратив всю Германию в фабрику войны, воспитывая германскую молодежь на «романтике» военного развоя и безоглядного софизмства, он в то же время ежегодно заверял народы мира о своем величайшем миролюбии:

«Германский народ жаждет жить в мире со всем миром», — заявляет он в голос агента в 1933 году.

«Мы не намерены нарушать права какой-либо нации и не ждем ни урезать жизненные возможности какого-либо народа, ни поработить, ни учредить, ни почитать его», — с ораторской «сазой» декларирует в 1934 году.

«Империальное правительство... дружелюбно заявляет, что выполнит все обязательства, вытекающие из любого добровольно подписанного договора, даже в том случае, если этот договор был заключен до его прихода к власти», — цензурно уверяет в 1935 году.

«К Европе у нас нет никаких территориальных притязаний», — клеветает в 1936 году.

Ему нужны эти уверения, эта маскировка, это соловоное перье в эфир, чтобы ублажать народы Европы и успеть под шумок как можно больше настроить танков, самолетов, наготовить смертоносных бомб, натаскать на будущие разбой и убийство немецкого солдата.

Но есть мудрое выражение: язык мой — враг мой. Болезненный манер речи Гитлер не только официально разглагольствовал в эфир, но и выговаривался по душам в интимном кругу своих близких. Одни из этих близких, друг Гитлера и сам бывший видный фашист, Герман Раушнинг, полвека своего бойцового «флора». Он издал в Париже в 1939 году книгу под заголовочным названием «Гитлер мне говорил», — и вот оказывается, что мирный агитатор, ублаживший нежными заверениями европейские страны, в домашней обстановке разглагольствовал об этих же самых странах точно так, как проглотавшийся людоед о будущем завтраке:

«Я введу войска в Париж, может быть, еще в мирное время. Они будут носить французскую форму, они будут маршировать среди белого дня по улицам, и никому не придет в голову их остановить. Они займут министерство, парламент. В

★ Все эти речи Гитлера были напечатаны. Они приведены в так называемой «Белой книге», изданной в Польше.

Ил. ЭЛЬВИН

БЕСТИЯ

Творчески бессильный, столь же отталкивающий, сколь и жалкий в своих грубо мистификаторских «концепциях», фашизм спланировал у реакционных мыслителей прошлого все, что пошло под руку. Из всех мутных источников Гитлер и его «теоретики» черпали идеологическую грязь, выдвигая эту грязь за оригинальное «сущение». В итоге сплошного воровства собрался тот невообразимый жгуче-революционный хлам, каким фашисты отравляют мозги запуганных им людей.

Если расовую мифологию розенбергов-гитлеровская банда украдала у полуумного французского Гобно, то свой теоретический «бестиялизм», которому соответствует и бестиялизм на практике, фашизм заимствовал у Фридриха Ницше.

Апеллируя к Ницше, к его надменному отрицанию разума, фашисты воздвигли «инстинкт», этот «враг разумного», и отчаянно вярнули в грязь человеческое достоинство, объявляя все, что не принадлежит к узкому кругу фашистской элиты, мусором, навозом истории, «отходами расового хаоса», пристыживая этот ярлык ко всему, что дышит, мыслит и чувствует не по гитлеровски, фашисты свои «кровяные инстинкты» хотят превратить в закон. И опять-таки у Ницше они находят «теоретическое обоснование». Ибо у него сказано: «человечество» — просто материал для опыта, колоссальный наливщик неудачности, поле обломков». Материал в руках пресловутого «сверхчеловека», которому «все дозволено». В ницшеанском «сверхчеловеке» каждый из гитлеровских шатины видит собственный портрет. Еще бы! Разве не «сверхчеловек» Ницше внушает: «Будь насильником, корыстолюбивым, властолюбивым, интриганом, льстецом, низкопоклонником, гордецом и, смотря по обстоятельствам, совмещай в себе все эти качества».

Фашизм — это война, война подлая, грабительская, бесчеловечная (правда, «бесчеловечно», с точки зрения фашистов, это звучит гордо). Фашизм — дикый культ разбойничьей войны. И это опьяняет и озверевает мого... суррогатом войны, но может быть именно благодаря им создается убеждение, что такое высококультурное и оттого по необходимости утонченное и вялое человечество нуждается не только в войнах вообще, но и в величайших, ужасающих войнах, следовательно, и во временных возвратах к состоянию варварства.

И духовный импотент Гитлер фальшметом влезал в Ницше: «Мы хотим быть варварами. Мы хотим быть варварами...».

В войне фашизм видит путь к поработению человечества, к превращению народов в данников, в рабов. Морально одичавшие нации — от Гитлера до последнего плутовского эссеиста — только и сохраняли в себе человеческого, что свой внешний облик. Они горды тем, что не похожи на людей: у Ницше они нашли готовое и подходящее к случаю наименование — «бестия».

В одном месте («Генеалогия морали») у Ницше говорится: «Глубокое ледяное недоверие, возбуджаемое немцем в настоящее время, как только он захватывает власть, является отражением того неуясного ужаса, с каким Европа в течение столетий смотрела на неистовую белокуруй германской бестии».

И это сказано не с трепетом перед грозным судом истории, который вынесет свой приговор неистовому зверю, а с тем чувством восхищения, с которым вероятно древние германцы вариали на веревке, бестияльное умиротворение пленных, о чем говорится у Тацита и Страбона.

Впрочем, истины ради скажем, что в проблеме «белокурой бестии» нашим инстинктом: он решил, что белокурой бестией может быть и... не белокурой арии. Ну, хотя бы фюрер, со своим черным и жестким волосным покровом. Недаром

течение нескольких минут Франция, Польша, Чехословакия будут лишены своих руководителей».

Людей разработку тут одну из своих хитростей, гримировку под противника. Что Раушнинг не фантазировал, доказала вся последующая тактика Гитлера на войне. Но послушаем дальше:

«Я задолго установил связь с людьми, которые (в оккупированных странах) сформировали новое правительство, утопию мне. Таких людей мы найдем везде. Мы даже не будем иметь необходимости покупать, они сами нас найдут, толкаемые алчностью, ослеплением, разглагольствием и честолюбием».

Людей разработку тут другую свою хитрость — ставку на предателя внутри чуждой страны, на так называемую «пятую колонну». И опять, что это не фантазия Раушнинга, доказала вся последующая практика Гитлера, его опора на всаческих продажных квислингов, невидимых их собственными народами. Но послушаем и еще дальше:

«Мы найдем достаточно добровольцев. Мы их переправим через границы еще в мирное время мелкими партиями, и весь мир будет думать, что это кругосветные путешествия... Я введу их по частям. Наша стратегия будет состоять в том, чтобы разрушить врага изнутри... Совершенно необходимо, чтобы вражеская нация была деморализована, чтобы она была готова к капитуляции, чтобы она была морально принуждена к пассивности даже прежде, чем придет мысль о военных действиях».

И тут людоед выболтал третью хитрость — належку на раздутый лупоглазый язык своих диверсион-шпионов, Гримировка под врага, опора на нижних прелателей в стане врага, засылка к нему своих шпионов и диверсантов — тактика излюбленная стратегии Гитлера. Он называет ее «военной». Но он ошибается. Каждый свою мечту, выболтанную Раушнингу, Гитлер неизменно заканчивает словами: «Враг будет деморализован прежде, чем ему придет мысль о военном сопротивлении». Такая военная тактика — сестра двурушнической гитлеровской дипломатии, построенной на словесном гипнозе жертвы, перед тем как ее оборвать.

Человечество платит за опыт дорогую цену. Но зато с дороги общечеловеческим опытом народ не так-то легко расстается. Есть мудрая армянская сказка о змее и землянице. Змея сказала землянице: «Я лучший твой друг». Земляничка ответила: «Для змеи у меня только одна дружба». И он разможил ей голову камнем.

Ганс Гюнтер, обершарлатан от расизма, с такой неподдельной яростью набросился на защитников «белокурой теории», заявляя, что «многие темноволосые и темныеглазые являются более северными индийцами, нежели многие белокурые и голубоглазые», что «белокурое самознание крайне вредит северной идее, так как противник часто пользуется им для злорадных шуток». Так отражается от крамольной иронии чистокровная породистость фюрера, внешность которого является отрицанием фашистской брехки о совершенстве «расы господ».

Как бы там ни было, но в теории «белокурой бестии» внесена существенная поправка: чтобы быть законченной фашистской бестией, белокурый цвет волос не обязателен. Для этого, скажем словами Горького, требуются свиные мозги под черепом, для этого требуется оловяная тара и нормальных людей бьетса сердце, полная атофия человеческих чувств, то есть то, чем в избытке обладает вся свора сорванных с цепи фашистских бестий.

Фашистская теория так же умерительна уродлива, как и фашистская практика. Но идеальная гниль, от которой несет трупным смрадом разложения, будет так же преодолена человеком, как преодолывались им темные силы, тормозившие его духовное освобождение.

Конст. ФЕДИН

Рабы Гитлера

И живу в маленькой комнате лагерного барака, лицом к лицу с пленным немецким летчиком по фамилии Дреге, родом из Шоттара, в Липпе. Шупленькая мальчишка, беднотный, с круглыми синими глазами нависающие, с хохлом, придавленным к шее подбородком, он произносит впечатлительные беззвучные и немощи. Говорит он мягко, явно избегая той деревенской прусской манеры, с которой солдаты гитлеровской армии «тянутса» перед начальством. Иногда он кажется жалким, загнанным. В армии он пошел добровольцем, по специальности — летчик-наблюдатель.

— Сколько раз вы бомбили Англию? — Сидит под рукой.

— Какое место?

— Раинне. Плимут, Бирмингем, Лондон. — Ковентри тоже?

— Да, и Ковентри.

— Сколько раз вы летали над Советским Союзом?

— Два раза.

— Что так мало?

— Не повезло, — говорит он, дернув плечом, слегка отступив голову, и тотчас добывает в самооправдание: — Когда-нибудь это должно случиться с каждым...

В его экипаж всей пилотеркой попал в плен на «Хейнкель-111», сбитом нашим истребителем. Я видел эту пилотерку: пилота обер-лейтенанта Каринзуса, наблюдателя Дреге, борт-механика Карла Ленца, стрелка Вильгельма Люманна, стрелка-радиста Гельмута Кроста. И потом убедился на знакомстве с другими немецкими летчиками, взятыми в плен, что эта пилотерка по многим отношениям характерна для гитлеровской авиации. Она помогает нам оставить суждение о летных кадрах, образовавшихся немцами против Советского Союза, и дает возможность отметить систему, которой гитлеровское командование руководится, формируя экипажи своих самолетов.

— Есть ли у вас награды? — спрашиваю я у Дреге.

— Железный крест первой степени.

— А еще?

— Серебряная застегка фронтового полета.

Это отличие дается Гитлером автоматически за двадцать вылетов на фронт — аэроплан в бронзе, за шестьдесят — в серебре, за сто десять — в золоте. Почти все летчики, с которыми я говорю, имеют по несколько отличий. Отборная летная гвардия, накопившая почетный разбойничий опыт бомбежки мирного населения, — вот кому бросит Гитлер на нашу отчину, надеясь миром сломить сопротивление Красной Армии. Без течи невозможны, по-солдатски однословно мне отвечает обер-лейтенант Каринзус, произведённый в офицеры за налеты на Норвегию, Францию, Англию.

— Бомбил Лондон?

— Пятнадцать раз.

— Почему пошли добровольцем?

— Служба в авиации, можно хорошо поводить свет.

— Побомбил его?

— Фантасирует. Он, конечно, пошел добровольцем не из потребности «поводить свет», а из-за тех преимуществ, какие получают добровольцы при прохождении службы в гитлеровской армии.

По своему содержанию эта двадцатидвухлетняя история фашизма. Они, конечно, «не занимаются полтикой», они — солдаты, но от их разговоров так и несет гитлеровской демагогией.

— Англия не хочет нам дать колонии, поэтому мы воюем, — говорит Дреге. — То, что Германия принадлежала, должно быть возвращено.

С чуждым упрямством повторяется бредовая мысль, что если Германия не будет владеть в Африке рабами, то она не сможет существовать. В погоне за африканскими рабами гитлеровцы насладились рабством во всей Европе, от Балкан до Скандинавии, и, наконец, набросились на Советский Союз. Однако тут в мозгах фашистов проснулось брешь: они не могут взять в толк почему дорога к африканским колониям лежит через Советский Союз.

— Почему воюем против России — не знаю, — несколько растерянно говорит Дреге.

— Не могу вполне понять причину войны с Россией, — вторит Каринзус.

Но если вы, обер-лейтенант, не можете понять эту причину, то как же ее поймет немецкий солдат?

— Я думаю, ему будет понять тоже не легко...

Во время беседы с обер-лейтенантом Хорнером (20 раз летал над Англией, пилот, в особом распоряжении министерства авиации) меня поразили его глаза. В них было что-то бесчеловечное и странно-испуганное, какое-то соединение сумасшествия с механизмом. Это — взор солдат, превращенных в профессионалов, — это машины, которые могут быть разрушены, но не могут быть переубеждены.

И, однако, вырвав из своих летчиков все человеческое и превратив их в механизмы, Гитлер не мог быть вполне уверен, что его летная гвардия не заколеблется, не смутится преступлением войны против советского народа. Сомнение Гитлера сказалось на той системе, в какой формируются экипажи немецких самолетов.

Из моих рассказов пленным немецким летчикам можно сделать вывод, что немецкое командование систематически составляло экипажи для войны с нами из людей, которые друг друга не знают. Нилот стоял в оккупированной Франции, бортмеханик — в Югославии, наблюдатель — в Польше, стрелок и радист еще где-нибудь. Их соединяют в команду на одном самолете и посылают на фронт против Красной Армии. Так составляется пилотерка, командой которой летают в неизвестном друг другу людей, побоясь рассуждать на опасные темы о целях войны, о бессмысленности уничтожения жептин и детей и не спорящихся между собой о переходе на нашу сторону.

Коренастная, коротенькая, круглая, с немного припухлым бледным лицом, рядовой пехотинец германской армии — Грон нехотит идти в Австрию. По профессии пекарь, он очень похож в виду на людоед этого зания, — я так хорошо вижу на нем белую кофтак и обсыпанный мукой каштаневку. В лагере военнопленных он поставлен на кухню, и я убедился, что ему вполне сподручно крутить деревянный мешалкой в дымящем котле.

— Когда вам объявили о выступлении против Советского Союза?

— В 12 часов ночи на 22 июня.

— Что же вам было сказано?

С немного ленивой хитринкой во взгляде он отвечает:

— Ну, как всегда говорится в таких случаях: наш час настал, и все такое...

— Вам прозвонили звонком Гитлера?

— Нет, звонания не читали. Просто — приказ: нас, вол, настал, вперед... — Как же вы попали в плен?

— Мы были окружены. Майор скамандовал: надо отступить. Мы очутились перед рекой. Разделись, чтобы легче перейти, полезли в воду. Нас так раздетыми в воде и захватили.

— Вы, видно, не очень топорились вылетать из воды?

— Мы, как увидели красноармейцев, так подплыли руки...

— Почему же вы не дрались?

— Мы решили — не за что воевать.

— Ваш полк состоял из австрийцев?

— Да, кроме командиров. Командиры были германцы.

— Все до одного?

— Да.

Этот разговор вполне достаточен, чтобы понять, какие господствуют отношения в гитлеровской армии между порабощенными народами и германскими фашистами. Причуждение, насилие, террор — вот чем объясняется участие на стороне германцев некогда независимых австрийцев, румын Никакой охоты воевать за сумасшедшие цели Гитлера у австрийского рядового нет и быть не может. Пекарь Грон рассказывает:

— Мы стояли во Франции, в Меце. Воевать никому из нас не хотелось. Между собой мы, солдаты, открыто говорили — скорее бы кончалась война. О разговорах наших анали и унтер-офицеры, германцы. Это скрывалось только от обер-офицеров.

— Значит, все по-старому между Австрии и Германией?

— Германцы нас считают профанами. — с усмешкой говорит Грон.

— Ну, а какво стало у вас в Австрии, когда ее заняла Германия?

— Ах! — искренно вскрикивает Грон, — совсем не стало житья!

На таких вот командование гитлеровской армии, конечно, положиться не может. Оно и не полагается на них. Нам понятно, почему на фронте австрийские солдаты оказываются прикованными к своим пулеметам: в этом видна хватка гитлеровских рабовладельцев, беспощадных ко всему человечеству, уничтожающих своих рабов, если они не хотят служить или плохо служат.

— Когда вы объявили о выступлении против Советского Союза?

— В 12 часов ночи на 22 июня.

— Что же вам было сказано?

В лагере военнопленных я встретил

партию румынских солдат. Они произвели на меня отталкивающее впечатление. Рядом со своими господами — германскими офицерами и летчиками — они были оческами, согнанными судьбой в жалкую кучу, непохожую на толпу людей. Подобострастные, прибитые, они принесли о своем лагере то предельное непонимание, прощало, с таким их полагали на фронт. За что они воеют — им неизвестно. В большинстве это крестьяне, и они не скрывают единственного своего желания:

— Скорее бы домой!

— Когда у одного из них спросили, нет ли у него отличий («декораций»), как говорят румыны), он долго недоумевал — чего от него хотят, о чьих «декорациях» речь, потом, утрауем, махнул рукой и с горькой иронией засмеялся. Действительно, Гитлер может приковать своего раба к тачке, к пулемету, к танку, может навесить отличия на своих телодержателях, но румынских или австрийских рядовых солдат отлично понимает, что «декорации» созданы не для него. Да и не гонящая рабы Гитлера за отличиями, — скорее бы домой!

У немецких летчиков, попавших к нам в плен на румынском фронте и, вопле-новлей, соединенных с толпой румын, я спросил, каковы отношения между германцами и румынами на фронте. Германский пилот-офицер ответил:

— Этого я не знаю. Мы стояли на особом аэродроме для немцев и с войсками румын не прикасались.

Презрение и безразличность прозвучало в его голосе. Он не хотел знать, не хотел говорить о каких-то там румынах — рабах германцев! Притом — слабослышащих, полных раба!

Все рано — будут ли гитлеровцы ставить своих командиров во главе подневольных войск Австрии, Румынии, Венгрии или будут оставлять в рабы этих войск их собственное начальство, рабы останутся рабами. Вызвать в них желание воевать и побеждать Гитлеру не удастся. Кандаля, которыми Гитлер заковал своих рабов, звенят, громяхают так громко, что стальных этого звук раздается в самых дальних уголках Европы и народы проникнуты отращением к поработителю. Раба обратит свое несчастье на головы тех, кто в нем виновен.

Литературная газета

РАССКАЗ О СТАЛИНСКОМ СОКОЛЕ

Весь мир восхищается подвигами советских летчиков на фронтах отечественной войны.

Вышедшая в Детидате книга З. Чапая «Анатолий Серов» рассказывает об одном из тех бесстрашных сталинских соколов, искусство которых положило начало славным традициям советской авиации.

«Летать» — вот о чем мечтал Толя Серов, озорной, веселый подросток, которого все знали и любили в маленьком уральском городке Надеждинске.

Пятинадцати лет Серова, ученика фабрично-заводского училища, принимают в комсомол. И вскоре комсомольца Серова направляют на учебу в школу пилотов.

Вот и упорство, хладнокровие и выдержка — эти черты характера будущего Героя Советского Союза ярко проявляются с первого года пребывания его в авиашколе.

В 1931 г. с отличной оценкой по технике пилотирования Серов оканчивает летную школу в авиации летчика-истребителя.

Военный летчик Серов всегда был готов к бою с противником. Не раз он говорил: «В наше время в нашей стране, когда

З. Чапая. «Анатолий Серов». Детидат. Военная библиотека школы.

«КРАСНАЯ АРМИЯ»

В серии «Военная библиотека школы» М. Исаковского, А. Твардовского, В. Игнатьева, М. Маршала, Е. Домгатского, А. Суркова, А. Жарова, Е. Вагинной, А. Ромма, Я. Сапгина.

В книге собраны написанные уже в дни отечественной войны стихи и песни Ал. Прокофьева, Вас. Лебедева-Кумача,

М. Исаковского, А. Твардовского, В. Игнатьева, М. Маршала, Е. Домгатского, А. Суркова, А. Жарова, Е. Вагинной, А. Ромма, Я. Сапгина.

Особое внимание привлекает стихотворение ученика 155-й школы Володи Билычского «Отцам, ушедшим на фронт».

В. ИГНАТЬЕВ

К ОРУЖИЮ, СЛАВЯНЕ!
РАЗГОРИМ ФАШИСТСКИХ УГНЕТАТЕЛЕЙ!

Плакат работы художника В. Одицова. Выходит в издательстве «Искусство»

ПОЭЗИЯ НАРОДНОЙ БОРЬБЫ

Эта небольшая книжка статей Алексея Толстого, написанных уже в дни нашей отечественной войны, будит в читателе то волнение, которое может вызвать лишь настоящая публицистика, рожденная живой страстью человека. Сейчас слова взвешиваются на особых весах. При флюгеле светом застеночной Москвы мы научились и читать зорче и глубже. Этим книжке верить, как дневнику, потому что за ней — живая человеческая правда. В ней то, что может дать именно художник, — внутренняя поэзия и сила народного отпора врагу.

Алексей Толстой — замечательно одаренный и очень русский национальный писатель. Его глубокое чувство народной жизни, гордая и всеобъемлющая любовь к родине, его горячий пафос советского гражданина, то-есть все, что и наполняло и дарило его художественное творчество, сейчас величественно завершено и в публицистических, антифашистских статьях и воззваниях.

Большая часть из них известны читателю, печатались в «Правде», многие стали уже широко популярными. Описание Толстым (в статье «Почему Гитлер должен потерпеть поражение») немецкой наступательной тактики, названное им «вороньим ключом», в который «нужно забить ключ», стало поистине почти поговоркой.

Книжка А. Толстого, названная им по одной из статей — «Блицкриг» или «блицкрига», включает десять статей и воззваний (среди последних — письмо к писателям Северной Америки, воззвание к советским морякам и др.). Я их читал по мере их появления в печати, но каждую перечитываешь с новым интересом, потому что, вместе взятые, они складываются в нечто цельное. И это цельное — видение нашей родины, ее прекрасных просторов, дол и рек, образа чудесных советских людей и еще то, что вырастает от страны к стране, — неукротимая ненависть к гитлеровской сволочи, посылающей на нашу жизнь и землю.

В статье «Что мы защищаем», написанной через несколько дней после злодейского нападения на нас Гитлера, А. Толстой, перебирая свои воспоминания о быте России, говорит: «Прошло двадцать лет. От океана до океана зашумели аэлотом колхозные нивы, зашвели сады и зашумели хлопком там, где еще недавно

ведь мертвый песок. Задымилы тысячи фабрик и заводов. Тот же, быть может, внул Александра Сизова, такой же богатырь, пошел под землей воровать, как Титан, один сотни тонн угля за смену. Тысячечетные молоты, скрасяся земля, начали ковать оружие Красной Армии — армии освобожденного народа, армии свободы, армии — защитнице на земле мира, высшей культуры, расцвета и счастья. Это — моя родина, моя родная земля, мое отечество, в жизни нет горячее, глубже и священнее чувства, чем любовь к тебе...»

Да, это чувство подняло ныне во весь рост народ-исполин против фашистских разбойников Пинет А. Толстой и о них. Пинет очень правильно, со спокойным превращением сына великого народа к этим истерикам и «рыцарям длинного ножа», пишет без всякого шалкоуказательства, как подбавит в остроем бою, не на живот, а на смерть: «Но успокаиваться нельзя... Враг коварен и силы у него еще много... Мы должны объединиться в одной воле, в одном чувстве, в одной мысли — победить и уничтожить Гитлера и его армию, несущие смерть и рабство, рабство и смерть и больше ничего... Для этой великой цели нужна ненависть... В ответ на вторжение Гитлера в наши окрестности — ненависть, в ответ на бомбардировку Москвы — ненависть... Сильная, прочная, смелая ненависть...» («Я признаваю к ненависти»).

Белинский когда-то в одной своей рецензии на книгу о Петре Великом писал, что «все великие перевероты и испитания только обнаруживают великий характер русского народа... Роковой 1812 год, пронесший над Россией грозной тучей, наприглае все ее силы, не только не ослабил ее, но и еще укрепил, и был прямой причиной ее нового и высшего благоденствия, ибо открыл новые источники народного богатства». Отечественная война 1941 г., напрягающая все силы народа для отпора и уничтожения гитлеровских интервентов, происходит ныне в условиях, неизмеримо более счастливых для народа. Советские годы, очистившие русскую жизнь от всей скверны царско-империального прошлого, показали миру, на какие подвиги созидательного труда способен русский человек. Враг силен. Но и наш народ стал неизмеримо сильнее под великим водительством Ленина и Сталина.

Вот этой убежденностью дышит сегодняшняя публицистика А. Толстого.

В. ИГНАТЬЕВ

«Блицкриг» или «блицкрига», Гослитиздат, 1941 г.

КОРНЕЛИЯ ЗЕЛКИНСКИЙ

«СТЕПАН ЗАВГОРОДНЫЙ»

Дело было еще до империалистической войны.

В 1912 году парская помещица Россия — Россия бездарных правителей и великого народа, — отсталая аграрная страна несчитанных богатств, бессмысленных трат и крестьянской нищеты хлебосольно встречала иноземных гостей.

Немецкие «турсты» катились по черноморской Украине, обжирались пшеничной сдобой, икрой и балычком, обиваясь душными винами. Сих шпионов любезно катили близорукие чиновники, помещики, душничые своих крестьян, липиенские шпики, приспособленные лишь «тащить и не пущать» лучших людей старой России, но неспособные раскусить немецких разведчиков и воров. Зато простой русский и украинский народ, истинный хозяин богатств великой земли, угромо вырал на орду любители черноморского и «русской закуски» — на гербов Кохов и Риттмейстеров.

Он, этот народ, показал себя впоследствии во время германской оккупации на Украине...

Крестьянин Степан Загородный — герой поэмы Демьяна Бедного — гнал с полей родной земли немецких банкиров. А сыновья Степана в наши суровые дни дерутся до последней капли крови, героически сопротивляясь фашистско-германской своре, чтобы дожать ее и стереть с лица земли.

Истинные патриоты, непоколебимые защитники родины, — это те, кто собственными руками подымали родину из былой разрухи, крепили мощь трудовой державы, засеяли ее землю, строили ее

города... Трудовой народ боролся и борется против чужеземных захватчиков. Крестьянин, бывший бедняк Степан Загородный и его сыновья — детки, краснотельцы, кавалеристы, агроном, два комбайнера-стаканова — вот семья подлинных патриотов, способная выдержать любые тяготы, прервать любую опасность, лишь бы не сдаться врагу и не сдать ему плотов многолетнего, самоотверженного труда.

«Патриоты, вперед!» — призывом озвучена последняя часть поэмы. В этой главе говорится о стойкости народа в отечественной войне, о народной решимости драться до конца и победить во что бы то ни стало.

Мы саранче ответили,
Ее мы боем встретили,
В мотгах нет отступки ей:
Не хлеба — не лаем.
Всей нашей грозной силой,
Стальною, броневанной,
Живой, организованной,
Врагу не уступающей,
С лием каждым нарастающей,
Мы саранчу фашистскую
И наступая бьем ее
И отступаля бьем.

Такое содержание и такой дух новой стихотворной повести Демьяна Бедного «Степан Загородный», вышедшей Гослитиздатом в дни отечественной войны. Повесть написана просто и сильно, хорошим, понятным языком. Чувствуется в ней спокойное и непоколебимое сознание народной силы, спокойная и серьезная уверенность в победе.

Нет сомнения, что «Степан Загородный» заслуживает широкой популярности.

А. АДАЛИС

ФРАНЦУЗСКИЕ ЛАКЕИ ГИТЛЕРА

Лакеи из Парижа и Виши называли Францию победленной нацией, угнетенной нацией, государством-вассалом. Они готовят ей участь гитлеровской колонии, смиренно возделывающей землю во славу победителей, во славу господствующей нации.

Но неукротимое сопротивление, которое французы оказывают врагу с первого часа оккупации, их ненависть ко всем, кто сдался, кто изменил, дают твердую уверенность в конечной победе французского народа.

Чтобы добиться своей цели — убить демократию, развалить республику, поработить ее народ, чтобы уничтожить все культурные завоевания последних лет, фашисты не забывают никакими средствами.

До войны Франция ежегодно экспортировала 10 000 тонн печатных изданий, 10 миллионов книг и журналов. Они расхлынули повсюду во славу нашей страны.

Многочисленные мыслители и художники были нашим лучшим послом во всех странах.

Петен, Дарлан и их мрачная банда с их вилляновским хладнокровием пытаются убить сердце и душу страны.

Писатели, художники, артисты вынуждены скрываться от лап гестапо и полиции. Где авторы «Жидов доброй воли» и «Дизраэли» — Жюль Ружен и Андре Моруа? Где Бернанос и Маритен? Пост Сперверль? Метерлики, великий Метерлики? Драма тург Ари Берштиней? Где лучшие мастера французского кино: Рене Клар, автор «Миллиона», «Да здравствует свобода», «Привидение на продажу», Жан Ренуар, автор «Великой ильды», Довивье, автор «Карне де балль»? Где наши смелые, пронзительные журналисты, Пертигак, Табуи, Бурге? Двое из них в Америке, а Бурге уже умер.

Самую дорогую переписку всех, но я продолжаю этот список: Ева Юри, дочь великих Юри, актеры Луи Жуве, Пьер Ренуар, сотни наших ученых должны были искать гостеприимства на чужбине, чтобы избежать тюрьмы или еще худшей участи.

Поль Риве, крупный этнограф, директор Парижского музея Человека, едва успел скрыться от расправы нацистской банды. Сейчас он в Колумбии. Одни из величайших французских биологов — Анри Мейер, профессор Коллеж де Франс, уехал в Америку. А те, кто не успел выехать из Франции, как например Рюжэ, Мартен де Гар, автор «Семьи Тибо», лауреат нобелевской премии, вынужден жить под надзором, переносить все пытки и издевательства фа-

шистской полиции. Эти люди похищены на голод и нищету. Многие из них стали чернорабочими на вокзалах или продают на рынках шкурки для ботинок, как это приходится делать Андре Бюрресу. Вот уже полтора года томится в тюрьме на территории «свободной зоны» тяжело больной Леон Муссонияк.

Немцы уничтожили все экземпляры двух книг Жоржа Драмеля, которые были уже отпечатаны и должны были выйти в свет. В смысле знаменитый профессор Ланжевен, философ Долен арестован в Бордо. А как терзали молочки из Виши великого художника Марке! Вот далеко не полное перечисление гонимых и преследуемых, которыми немцы фашисты и их прислужники во Франции пытаются убить французскую мысль. Описание этих скорбных фактов могло бы занять страницы и страницы.

Нашлись, правда, писатели, которые трусливо перебежали на тот берег. Достаточно посмотреть сегодняшние номера журнала «Нувель ревю француз», который теперь редактирует Дри де Рошель. Здесь вы найдете этот постыдный список камикадзе, изменников и предателей, имена которых не забудет французский народ. Среди них Люк Дюртен, А. Р. Ленорман и другие.

Вспомните, как был отменен Нантский эдикт, когда сотни лучших французских граждан были изгнаны Людовиком XIV на Францию только за то, что они были гугенотами. Но то, что удавалось Людовику XIV, не удалось Петену.

Что значит для всех этих господ на Виши обесчеловечение, оскорбление, унижение Франции, если они повторяют слова Гитлера: «Прогресс — это оставшийся народ — а на него надел намордник, свобода — а ее расстрелял».

Свобода, прогресс, народ! Господа из Виши благодарны Гитлеру — он помог им расправиться с этой «рундой». Он, конечно, получил хорошее вознаграждение: Франк-Конте, Эльзас, Лотарингия, Фландрия, Артуа, Ликкардия, Савойя, Корсика, Французская Африка, железные, текстильные, золотые, французская мысль, французский авторитет. Газета за услугу, которую оказал Дарланам Гитлер, не стоит отдавать ему всю эту?

Между всеми варварскими преступлениями пятой колонии — это самое мрачное. Но не удастся предателям из Виши поработить Францию. Французский народ никогда не забудет их преступлений. Мы знаем их в счет, по которому они заплатат освобожденной Франции.

И. КОНСТАНТИНОВСКИЙ

Души мертвых

В суеверном сознании фашистов души умерших германцев продолжают жить и после физической смерти их обладателей. Еще задолго до нынешней войны фашистское министерство пропаганды под непосредственным руководством Геббельса выработало стройную систему эксплоатации мертвых душ в интересах германского фашизма.

Вот как это произошло. Дело было в Румынии. Фашистские группировки, организованные по прямой указке Берлина, да волея слезы, чтобы завоевать симпатии масс. Были пущены в ход испытанные берлинские методы жульничества и обмана. И вот, кроме живых пропагандистов, по румынским селам начали разгуливать «умирающих».

Деревянные дорожки. Под зыбкими, палящими лучами солнца медленно движется странная процессия. Около двадцати штурмовиков в полувоенной одежде с обнаженными головами идут за полководцем, украшенным волнами. На ней лежит человек, накрытый белой простыней. Идалька кажется, что это похоронный. Подвела со своим эскортом появляется на главной площади села. Вокруг собирается большая толпа любопытных. Штурмовики стоят носками к нему, и один из них произносит многозначительную речь:

— Братья-крестьяне, вот на этих носилках лежит доктор Йонеску. Он смертельно болен. Нет больше надежды на его спасение. Через два дня душа его навсегда простится с бренным телом. Но как добрый христианин он не хочет умереть, не указав нам пути к спасению. Послушайте умирающего брата во Христе.

И «умирающий» румынский доктор замгливым голосом начинает проповедовать учение берлинского доктора:

— Я умираю. Послушайте последние слова моей души. Не верьте демократам, большевикам... Голосуйте только за фашистскую партию, и вы будете спасены.

К великому удивлению штурмовиков, подобные методы не особенно помогали. Тогда Геббельс начал сколачивать передовые отряды пятой колонии исключительно на немцев. Все проживающие в Румынии немцы — транзитные сасы, бессарбские кулаки и колонисты, буюнские фабриканты — так или иначе были поставлены на службу Третьей империи. Тут-то и выяснилось, что Румыния наследует не только живые немцы. Здесь потребовало несколько десятков тысяч немецких солдат, павших в первую империалистическую войну. Какие широкие возможности открылись для организаторского таланта Геббельса! От неудачного использования «умирающих» он перешел непосредственно к мертвецам.

В центре Бухареста на дверях добротного блока была появилась скромная дощечка: «Боро по уходу за могилками немцев, павших в мировую войну». Обыватель удивился: «Какие нежные сердца у гитлеровцев! Они хотят поставить крестики на братских могилках...»

Вскоре, однако, удивление сменилось ужасом. Скромное «могильное бюро» выросло в солидную организацию. Занималась работа. Звонили десятки телефонов. Сновали везд и вперед захвачивающиеся курыеры. В кабинетах, засучив рукава, работало свыше 100 сотрудников бюро, специально прибранных из Германии. Румыны озабочено поглядывали на всю эту суму. Но жиды для того, чтобы поставить 100 могилных крестиков, должно было приехать столько же человек из Германии? Но в румынских правящих кругах никто не удивлялся, здесь понимали, в чем дело. «Могильное бюро» немцев занималось чем угодно, только не могилками. Правда, раза два в году работники «бюро» выезжали на бывшие поля сражения, аккуратно поднимали на могилках гробовые венки из незабудок и утешали мертвых:

«Спите спокойно, немцы. Если вы сами не можете заниматься шпанажем и диверсиями, то, слава богу, помогаете другим заниматься этим. Преты, что нам нужен Предлог для приезда в эту глупую страну...»

Но вот началась война. Эксплоатация мертвых душ велась по строгой системе. Под влиянием книги генерала Лудендорфа («Тотальная война») немецкие теоретики провозгласили (цитируем по румынскому источнику):

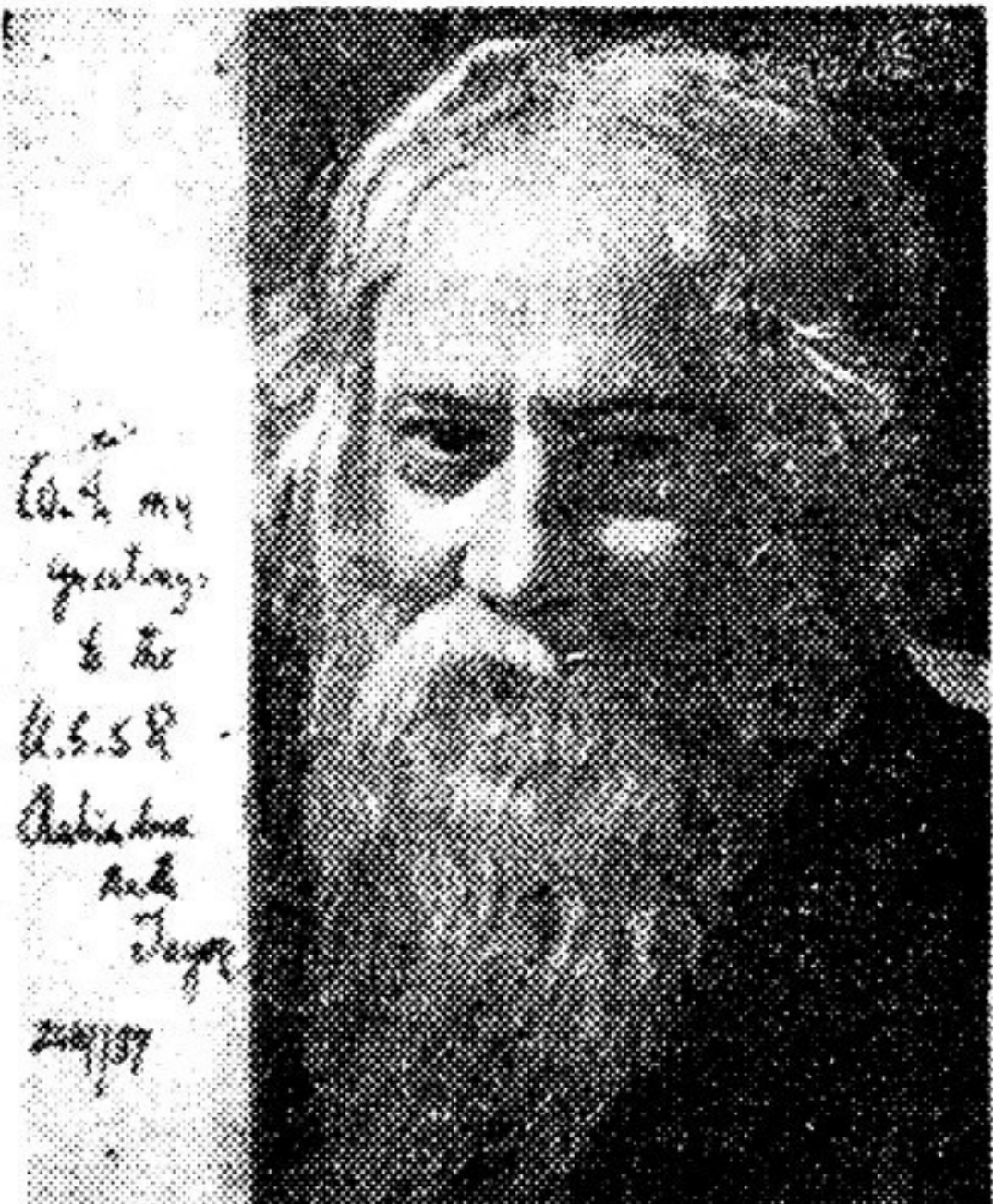
«Война выигрывается теми, кто умеет привлекать из воздуха, с небес таинственные силы невидимого мира... Души мертвых... Они защищают тебя, дают тебе смеельство и наводят панику на врагов... Зови их, германец, привлекая их силой своей души, и они придут...»

До сих пор нет достоверных сведений: выработала ли фашистское командование специальную устав вывоза душ мертвых германцев? Известно только, что когда фашисты напали на слабые страны, души мертвых официально покровительствовали германским войскам.

Но вот началась война против Советского Союза, и все полетело прахом. То ли мертвые испугались наших аэринов, то ли Геббельс разучился их вывозить, но они не приходят больше на помощь фашистским войскам. Это тем более странно, что благодаря Красной Армии души мертвых германцев ежедневно получают солидное пополнение. Все же мертвые молчат. Поворно бездействуют...

Пришлося фашистам выступить со старыми, более верным оружием. Как сообщает Советское Информбюро, они начинают вооружать своих пулеметчиков, танкистов и артиллеристов железными браслетами. Души мертвых впитают где-то в небесах, могут потерять ориентир, а вот браслеты — вещь реальная. Кого прикроют орудия, тот наверняка не убежит.

Так бесцельно закончил свое существование еще один «испытанный» метод Геббельса.

Известный индийский писатель и философ Рабиндранат Тагор, скончавшийся недавно в Индии. Снимок с портрета, присланного им с приветственным словом Советам

ИЗДАНИЕ СЛАВЯНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

В Гослитиздате состоялось совещание по вопросу о выпуске книг, посвященных славянским литературам. Проф. З. Неелды, проф. Н. Гузлий, проф. А. Егolini, болгарский общественный деятель доктор А. Станюков, польский писатель Ю. Пугачев, русский поэт С. Городецкий и другие участники совещания говорили о необходимости показать русскому читателю все богатство чешской, словацкой, словенской, болгарской, польской и других славянских литератур. Необходимо издать очерки этих литератур, произведения виднейших писателей, образцы народного фольклора.

При издательстве создана славянская редакция в составе проф. Неелды, проф. Богатырева и С. Городецкого.

ОПЕРА «ВОЙНА И МИР»

Композитор Сергей Прокофьев приступил к работе над оперой по роману Льва Толстого «Война и мир».

Опера задумана Прокофьевым как монументальная музыкально-драматическая эпопея. Композитор сохраняет в опере основные линии романа. Впервые получают музыкальную характеристику бесмертные образы Наташи и Николая Ростовых, Андрея Болконского, Анатолия Курagina, Пьера Безухова.

Кульминация оперы Сергея Прокофьева — сцены Отечественной войны. Здесь перед композитором открывается обширное поле для изображения в музыке образов великих русских полководцев, героев-партизан, борющихся народа.

Автором либретто оперы «Война и мир» является сам композитор.

АНГЛИЙСКИЕ БАЛЛАДЫ И ПЕСНИ

Издательство «Советский писатель» сделало в производство и в ближайшее время выпускает книгу английских народных баллад, стихотворений и песен шотландского поэта Р. Бернса в переводе С. Маршак. В его же переводе в книжке даны отдельные стихотворения Вильяма Блейка, В. Вордсворта, Роберта Стивенсона и Р. Киплинга. В заключительном разделе в переводе даны образцы английских народных детских песен.

ТРОФЕЙ

Искусствованые, являющие огромными proportions, спальные вражеские бомбардировщики лежат на территории Парка культуры и отдыха. Мимо Ю-88, X-111, «Д-215» длинной вереницей проходят москвичи. Они останавливаются у бочкообразных бомб в 250, 500 и 1000 кг. Они задерживаются у столов, на которых разложены одежда и обувь убитых наблюдателя. Бойкие парни влезают в кабинку, внимательно разглядывают сложный механизм оббитого бомбардировщика.

В книжонке некоего Брюно Вренц, изданной в Германии и предназначенной «только для распространения внутри армии», сказано: «Победитель, которого можно презирать, не долго владеет плодами своей победы».

Очень жалко, что все эти Гитлеры, Геринги, Геббельсы не видят, с каким презрением жители Москвы смотрят на машины и одежду обитых летчиков — вчерашних победителей Бельгии, Франции, Голландии. Фашистские ублюдки понятия бы тогда не имели о «блеске».

Фашизм будет уничтожен, как уничтожены бомбардировщики, лежащие в Парке культуры и отдыха, как уничтожены гитлеровские убийцы женщин и детей, водившие эти самолеты.

Дж. С.

М. ГЕЛЬФАНД

Среди прочих персонажей, превращенных Гитлером в холмов и выжженных осов германского фашизма, его главный враг — русский советник и союзник Бенито Муссолини, играет особенно комическую и глупую роль. Этот вульгарный, жидкий Цезарь, этот ладьяррор из власти, бредящий возрождением римского мирового владычества, как известно, больше всего на свете гордится своими талантами интриги и обманщицы; тем не менее в своих отношениях с Берлином он ухитряется оставаться на каждом шагу в таких дураках, в каких не оставалось ни разу даже самые незадачливые из союзников Алольфа Гитлера. Вот несколько характерных примеров.

Начиная 1934 г. Оба разоблаченных атamana начинают, так сказать, официально сотрудничать. Римский папа зовет берлинского маинана в Венецию на личное свидание. Он готовит вице-абиссискую авантюру, и ему нужен союзник.

В Европе знают, что если Муссолини идет союзником, значит он собирается кого-то продать. Гитлер это не смущает. Союзника можно не только продать, но и прирезать как-нибудь темной ночью, в глухом закоулке. Таков основной метод гитлеровской дипломатической школы.

Фрэнг является в Венецию. Итальянская фашистская пресса стучит хвостом и гизжит от восторга: два «самых сильных» человека современной Европы сошлись на берегах Адриатики, чтобы решить здесь судьбу остального мира, и горе тому, кто вздумает этим геркулесом перебить. Однако за кулисами происходит

НАЛЕТ СОВЕТСКИХ САМОЛЕТОВ НА РАЙОН БЕРЛИНА

В ночь с 18 на 19 августа имел место налет советских самолетов на район Берлина. На военные и промышленные объекты Берлина сброшены зажигатель-

ные и фугасные бомбы. В Берлине наблюдались пожары и взрывы. Все наши самолеты вернулись на свои базы.

Музыка боевых дней

Острый, короткий и действенный жанр плакатов «Окна ТАСС» увлек сейчас не только поэтов и художников, но и советских музыкантов. Как озвучить разную политическую сатиру? Композитор Василий-Бугала пишет сатирические музыкальные портреты на поэты Демьяна Бедного, Д. Полонинки и И. Шварц создает маленькие музыкальные антивоенские песни-плакаты. Музыкальным артикам предлагается в качестве афишграфо-заставки краткий поэтический текст, раскрывающий сущность музыкальной сатиры. Музыкальные плакаты прозвучат по радио, в красноармейских ансамблях, в военных частях. В этом новом обиходном жанре, в котором впервые широко используются выразительные средства музыкальной сатиры, открываются большие возможности для творческого сотрудничества поэтов, музыкантов, режиссеров.

Наши композиторы работают над созданием короткой обиходной оперы, исполнение которой могло бы быть осуществлено силами бригад обслуживающих фронт.

Опера А. Мосолова «Сигнал» (по либретто О. Литовского) показывает героический подвиг советского телеграфиста, посвятившего в окружение фашистского строя и находясь в муках подпольного бойца музыкально-драматические сцены на темы великой отечественной войны. Писатель композитор В. Юровский.

Великие исторические события наших дней советские композиторы стремятся запечатлеть в монументальных формах героической оратории, кантаты. Над этим жанром работают сейчас такие мастера, как Сергей Прокофьев (кантата «Победа за нами»), Ю. Шапорин («Героическая симфония» для пения с оркестром).

Ценный вклад в жанр советской героической оратории сделал композитор Мариус Коваль. В центре только что законченной им оратории «Народная священная война» (на текстах поэтов М. Голубного, Н. Ваганова, А. Прокофьева, Я. Шелева и др.) стоят образы боевого командира, старого дед-партизана и матери-героини.

ОЧЕРЕДНАЯ КНИЖКА ЖУРНАЛА «ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА»

Ильско-августовский номер журнала «Интернациональная литература» открывается речью Председателя Государственного Комитета Обороны товарища Сталина, произнесенной по радио 3 июля 1941 г.

В художественном отделе напечатаны стихотворения «Германский парад» и 9 одноактных пьес, объединенных общим названием «Германия — страшная сказка», немецкого писателя-антифашиста Бертольда Брехта.

«Германия — страшная сказка» — это небольшие сценки, в которых автор в острой сатирической форме изображает разные круги населения Германии.

В этом же разделе помещены одноактная пьеса Генриха Манна «Свидетель» и повесть Фридриха Вольфа «Жиль», написанная автором на основе его впечатлений от пребывания в фашистском концлагере. Новелла показывает, как под влиянием страшных дней германского террора во Франции средний обыватель-француз переходит от апатичности к сознанию необходимости активной борьбы против фашизма.

В специальном разделе журнала «В тилу гитлеровской Германии» помещены ноту

ведла известной английской писательницы, председателя лондонского пянк-Хьюб Сторм Джеймсон «Вена в дни аиллуса» и рассказы Елизаветы Кайль «Город Жижки».

Рассказ Эрика Йенса Петерсена «Кто вас сюда знает?» — это история завоевания Норвегии Гитлером.

В номере напечатаны стихи Эрика Вагнера и фельетон в стихах В. Левика и А. Штейнберга «Почему фашисты не любят Гаена».

Репортаж в журнале представлен очерками Т. Рокотова «Англия в дни войны», Гарвея Клемера «Жизнь под бомбами» и Сторм Джеймсон «Женщина в тилу».

В отделе публицистики напечатаны статьи советских и иностранных писателей, посвященные великой отечественной войне советского народа против гитлеровских полиций.

Здесь же помещены статья Е. Федоровой «Писатели, убитые фашизмом», и статья Лео Зет «Необычайные переживания директора театра».

Номер заканчивает статья В. Нейштатта, посвященная столетию со дня смерти М. Ю. Лермонтова.

На военный лад

Большую работу по изданию военной литературы развернуло Ленинградское отделение издательства «Советский писатель». Первые результаты перестройки работы издательства на военный лад уже видны. За последние недели и дни Ленинградское отделение выпустило в свет: работу И. Грудлева «М. Горький о фашизме», С. Леонова «Фронтовые эпизоды», И. Никулина и В. Лебедева «Чапаев на германском фронте», первый сборник ленинградских писателей о войне с германским фашизмом «Родина зовет», рассказы Б. Лавререва о Балтийском флоте «Ветер с моря», «Повесть о партизанке Василье» Е. Федоровой и повесть В. Шишкова «Дневные Давыдовы. Находятся в печати и в ближайшее время выйдут второй сбор-

ник ленинградских писателей «Родина зовет» и книжка С. Розенфельда «Гуны» — о борьбе с немецкими оккупантами на Украине в 1918 году.

Кроме того, Ленинградское отделение приступит к изданию серии небольших иллюстрированных книжек тиражом не менее 50 000 экз. Эта серия должна охватывать примерно такой круг тем: «Героические подвиги бойцов Красной Армии», «Выручка в бою», «Блательность», «Трудовой героизм», «Летчики-тараны», «Долг — выше всего».

Несколько книг этих серий едано в производство. Среди них В. Каверина «Гроз» — рассказ о героических летчиках И. Кратта — «Партизаны», А. Голубовой — «105-й разезд».

Киносборник № 3

Комитет по делам кинематографии выпускает третий номер очередного еженедельного сборника «Победа за нами». В третий выпуск вошли четыре короткометражные новеллы. Большой интерес представляет первый фильм «Английские зенитчики» — выпуск английского министерства информации (текст будет демонстрироваться с русским текстом).

В Лондоне объявлена воздушная тревога. Четко и слышно работают зенитные батареи, уничтожая самолеты врага. Фильм показывает нападение вражеских самолетов на промышленные объекты Лондона, учебный отряд английских зенитчиков.

Киноновелла «Мужество» (сценарий И. Бондина, режиссер В. Барнет) повествует о том, как летчики наших бойцов прорвались во вражеский дом. Бойцы оказались в окружении и не смогли вырваться. Рискую жизнью, они дали сигнал

ракетной нашей артиллерии — открыть огонь по дому. Артиллерия открыла ураганный огонь. В заключение мы застаем летчиков героев в госпитале, все они живы.

Следующий фильм — «Антоша Рыбкин» (сценарий Л. Шифферс, литературная обработка — А. Файко и А. Гранберг, режиссер — Юли) — рассказ о повзресоном реиде. Человек «мирной профессии», повар Антоша Рыбкин становится героем в тот момент, когда на воинский завод, в котором он находится, нападают вражеские десанты. Роль Рыбкина исполняет Б. Чирков, который, кроме того, будет исполнять в киносборнике новую «Походную песню» И. Дунаевского по словам М. Исаковского.

Киносборник № 3 закончен производством и в ближайшие дни выйдут на экраны.

В театрах столицы

Пьеса Г. Мдивани «Приказ по фронту» в Театре юного зрителя Рис. А. Костомоловского

Артист П. М. Гарин в роли Серго Орджоникидзе

Артист М. П. Дагмаров в роли Николаева, начальника штаба

МХАТ им. Горького

С начала великой отечественной войны все театры столицы приступили к работе над новыми постановками. Издали театры и кафе наших дней и всего, к чему стремится коллективный московский театр, драматурги, режиссеры, актеры. Постановки пьес антифашистских писателей также занимают значительное место в работе театров.

Первыми новыми постановками МХАТ в этом году будут три пьесы советских авторов: «Кремлевские куранты» Н. Подогая, «Глухая разведка» А. Крона и «Сурово» И. Разумовского и А. Бактерева.

Репетиции «Кремлевских курантов» уже заканчиваются.

Пьеса А. Крона, премьера которой намечается в октябре, рассказывает артелик о работе советских инженеров-нефтяников, в далекой пустыне открывающих залежи черного золота.

Спектакль ставит М. Келров, художник — В. Таллин. В главных ролях займется В. Попова, М. Титова, В. Топорков, В. Белокурова, М. Прудкин и М. Болдувал.

В пьесе И. Разумовского и А. Бактерева роль Сурово исполняет молодой артист СССР Н. Хмелев, роль лейтенанта Дубосова — Б. Доброправов и С. Ваиников.

Камерный театр

Две новые пьесы советских авторов — Г. Мдивани «Батальон идет на Запад» и И. Луковского «Солнце Гринвальда» — скоро покажет московскому зрителю Камерный театр.

Действие пьесы Г. Мдивани развивается в наши дни на одном из фронтов великой отечественной войны. Постановка — А. Таирова. Премьера пьесы намечается 1 сентября.

О московских и смоленских ратниках, совместно с литовцами и поляками разбивших в 1410 г. псов-рыцарей Тевтонского ордена, рассказывает пьеса «Солнце Гринвальда». Постановка осуществляется Королевым и Богатыревым под общим руководством А. Таирова.

Одновременно репетируется третья новая постановка — пьеса Д. Селезя «Крушение». Тема пьесы: немецкая интеллигенция под гнетом гитлеровского режима. В главной роли актрисы Эльзы Кент — А. Коонен.

Принята к постановке пьеса немецкого драматурга Алама Шарера «Пашня на Черной Горе» (пер. Д. Уманского и А. Оленина) — о судьбе немецкого крестьянина, обреченного на голод и вымирание в гитлеровской Германии.

В ближайшем будущем театр намерен приступить к работе над патристической трагедией русского драматурга В. Озерова «Дмитрий Донской».

Театр им. Вахтангова

Н. П. Охлопков ставит пьесу В. Войтеховского «Здравствуй, оружие». В первом акте пьесы рассказывается о подготовке фашистами перемогного нападения на страну Советов. Действие второго акта происходит в передовом городе, занятом немцами. Советские граждане оказывают героическое сопротивление ахачникам, заставляя их платить кровью за кровь, смертью за смерть. Наконец, третий акт — «Фронт» — посвящен смертельной схватке Красной Армии с фашистскими полчищами.

В главных ролях: О. Глазунов, И. Толчанов, Е. Алексеева, А. Абрикосов, М. Державин и др.

Режиссер А. П. Тутмыкин приступил к постановке драмы С. Д. Мстиславского «Грэх — птица всенная». Ее герой — знаменитый революционер Бауман, убитый черносотенцами в 1905 г.

Роль Баумана поручена В. Бабочкину и И. Дороницу.

Редакционная коллегия: В. ВИШНЕВСКИЙ, А. КУЛАГИН, В. ЛЕБЕДЕВ, КУМАЧ, М. ЛЮБИЦ, Е. ПЕТРОВ, Н. ПОГОДИН, А. ФАДЕЕВ.